

УДК 316.322 + 316.342

А. В. Логинов

КЛАССИФИЦИРОВАТЬ ОБЩЕСТВА: МОДЕРНОСТЬ И СОЦИАЛЬНАЯ ТИПОЛОГИЯ*

В статье рассматривается методологическая проблема построения социальных типологий в условиях модерности. Дается сжатое описание специфики модерности как состояния и процесса в институциональном и интерпретативном смыслах. Осуществлена попытка сближения ключевых для современного обществознания типологий с теориями модернизации. Анализируются возможные варианты решения проблемы построения типологии в рамках модели плюральных модерностей.

Ключевые слова: типология, модерность, автономия, интерпретация, время социальное, пространство социальное, критика.

В одном из своих «Девяти тезисов о будущем социологии» Э. Гидденс заметил, что долгое время под словом «общество» социологи понимали прежде всего национальное государство. Национальное государство для социологии было удобным объектом изучения в силу его четких территориальных границ и относительной культурной однородности, — по поводу такого объекта исследователю легче строить объяснительные схемы и обобщать эти схемы до уровня моделей. Понятно, что во второй половине XX в. подобный «идеальный объект» все реже соответствует действительности, и этот факт вынудил Гидденса заявить о необходимости пересмотра социологами принятых «по умолчанию» настроек своего категориального аппарата [3]. Этот пример нужен нам для иллюстрации первого, наиболее очевидного тезиса: мы полагаем, что вплоть до нашего времени существует тенденция к упрощению представлений о том, что такое «современное общество».

В первом, самом общем приближении следовало бы сказать, что словосочетание «современное общество» вообще не обозначает какого-либо конкретного общества или совокупности обществ, скорее это словосочетание применимо к описанию самой ситуации взаимодействия разных обществ «здесь и сейчас». Такая фиксация одновременности существования разных обществ, с одной стороны, позволила бы нам избежать нормативно нагруженных сравнений (просто «разные» общества) и быть идеологически нейтральными, но, с другой стороны, без прояснения оснований для интуитивно разделяемой некоторыми людьми очевидности о том, что взаимодействующие общества все же разные (т. е. имеют *значимые* отличия друг от друга, *чем-то* различаются в рамках *какой-то* системы координат), содержательно потенциал такого утверждения будет крайне беден. Во втором приближении за прилагательным «современное» (общество) можно закрепить определенные характеристики, которые делают (в случае их наличия) или не делают (в случае их отсутствия) конкрет-

* Работа выполнена в рамках п. 2.1.2 плана реализации мероприятий Программы развития УрФУ на 2010–2020 гг., договор № 2.1.2./15.

ное общество именно *современным* наряду с другими, также существующими здесь и сейчас¹.

Нам кажется существенной связью этой на первый взгляд аналитической проблемы с наличием классификаций в социальной теории и сферой реальной политики. Действительно, оценить свое общество как «современное», «почти современное», «догоняющее» или «отсталое» можно только за счет соотнесения с каким-либо образцом современности (*modernity*), что подразумевает наличие типологии, в которой заданы сами критерии оценки. В случае перевода полученного результата в политическую плоскость мы либо начинаем процесс «модернизации» как попытку улучшить свои показатели, либо получаем право «учить модернизации» другие страны, если наши показатели оказались на высоте. Таким образом, до той поры, пока типизация остается значимым инструментом научного анализа, проблема выбора критерия и обоснования «показателей» для типологии будет принципиально важной для социальной теории и, как следствие, для политики.

В настоящее время опубликован ряд работ, позволяющих специфицировать модерность и подвергнуть критерии, лежащие в основании масштабных социальных типологий, определенной историзации (сами типологии могут быть рассмотрены как продукт модерности) и критике (институциональные и интерпретативные теории модерности) [4, 7, 12–16, 18, 19]. В сжатом виде специфику модерности можно описать следующим образом: модерность — это процесс постоянного «ответа» общества (людей) на вызовы из трех сфер жизни (три проблематики у П. Вагнера [19]): экономической, политической и эпистемологической в условиях детрадиционализации социального порядка. Детрадиционализация означает исторически фиксируемый слом прежних (традиционных) систем легитимации схем жизни, сложившихся временных и пространственных рамок социального воспроизводства: «Традиционные общества являются исторически первыми. Это — общества, воспроизводящие себя на основе традиции и имеющие источником легитимации своей активности прошлое, традиционный опыт... Традиционные общества отличаются от современных рядом особенностей. Среди них: зависимость в организации социальной жизни от религиозных и мифологических представлений; цикличность развития... Наука традиционного общества является предклассической. В естествознании это преобладающее рецептурное знание... Здесь развиты математика и астрономия. Социальных наук еще нет. Есть теология и описательная история» [11, 21–22].

Радикальная трансформация традиционного общества влечет за собой появление новых типов высказываний и новых способов их обоснования, новых интерпретаций социальной жизни и проектов ее изменения в условиях «открытости» социального времени и социального пространства. Таким образом, общество (люди) в «состоянии» модерности вынуждены отвечать на вызовы экономического (производство), политического (управление совместной жизнью) и эпистемологического (получение и верификация знания) характера

¹ Подробнее о соотношении современность — модерность см. [14, 58–62].

автономно, без ссылки на внешний авторитет или традицию, опираясь на разум и эмпирическую очевидность. Собственно, даже рождение социальных наук было связано с попыткой приручить, переварить такой объем свободы за счет открытия новых, секулярных и понятных разуму обывателя закономерностей в общественной жизни: «Общественные теории были попыткой восстановить предсказуемость и тем самым стабильность общественной жизни через обнаружение “объективных закономерностей общественных процессов”» [6, 50]. Становление модерности в форме поиска и объективации ответов оказывается достаточно долгим процессом, тем не менее этот процесс приводит к значительным последствиям и количественно фиксируемым результатам: от первых революций (буржуазной, политической, научной) до ставки на рациональность и прогресс, от первых успехов эпохи Просвещения до формирования общества потребления [7, 14].

Ответы, которые были даны, со временем обобщались до схем и моделей, эмпирическое описание успехов в различных сферах кристаллизовалось в критерии прогресса, дисциплинарное деление самих социальных наук постепенно усложнялось (в сложнодифференцированных обществах семантические затраты на самоописание системы возрастают — Н. Луман). Схемы самолегитимации социальных наук позволяли последним удерживать дистанцию по отношению к собственному объекту; в соответствии с собственными установками и методами распределять ведущую роль между общественными подсистемами; строить типологии на разных основаниях (способ производства в формационном подходе К. Маркса, способ передачи и сохранения социально значимого опыта у М. Маклюэна, иерархичная или сетевая структура социальной организации у М. Кастельса и т. д.) и «выключать» типологии из истории [5]. Впрочем, элементы, определившие как специфику, так и базовые противоречия модерности (К. Касториadis определяет эти противоречия через концепт «двойного означаемого» — автономии и рациональности), накладывали свой отпечаток на классические типологии (свобода продавать свой труд приводит к эксплуатации, развитие информационных технологий приводит уже не к укреплению публичной сферы и коллективной идентичности, а скорее к анонимности субъекта политического действия и отчуждению людей от политики) и продолжают влиять на самые распространенные из современных.

Так, в российском обществознании широко распространена и используется схема Д. Белла, обоснованная им в труде 1973 г. «The coming of post-industrial society: a venture of social forecasting» [1]. По Беллу, для аналитических целей мы можем подразделить общества на доиндустриальные, индустриальные и постиндустриальные и противопоставить их в различных аспектах. Согласно автору это будут идеальные типы, но цель такой конструкции — показать существенные различия, поскольку «существуют качественно отличные осевые принципы, вокруг которых сконцентрированы институциональные и организационные атрибуты того или иного социума» [Там же, 175]. Доиндустриальное общество организовано вокруг взаимодействия с природой: ресурсы обеспечиваются добывающими отраслями промышленности, а общество подчиняется законам снижающейся отдачи и низкой производительности. Доиндустриаль-

ное общество жестко структурировано и территориально замкнуто, культура в нем ориентирована на воспроизведение традиционных схем деятельности, согласованность последней достигается за счет тотальности государственных форм контроля. Фактически речь идет о традиции в качестве основной ценности, легитимирующей схемы социального воспроизводства.

Индустриальное общество — это взаимодействие с преобразованной природой, общество, в котором возрастает горизонтальная и вертикальная мобильность людей, формируются гражданские институты, а политика отделяется от государства. Монополия традиции разрушается, и в обществах этого типа речь начинает идти об идеологиях как конкурирующих проектах социальных изменений.

Постиндустриальное общество основано на «игре между людьми», в которой на фоне машинной технологии поднимается технология интеллектуальная, основанная на информации, растет влияние науки на политику. Белл, описывая переход от одного типа общества к другому, выделяет ряд сдвигов в структуре и логике их воспроизводства [1, 158–160] и суммирует: «Три компонента этих перемен можно описать следующим образом: в экономике имеет место сдвиг от обрабатывающих отраслей к сфере услуг; в технологии утверждается ведущая роль основанных на науке отраслей промышленности; в социологическом измерении формируются новые технократические элиты и возникает новый принцип стратификации. С этих позиций можно сделать шаг назад и сказать, что постиндустриальное общество означает появление новых осевых структур и новых осевых принципов: переход от товаропроизводящего общества к информационному обществу, или обществу знаний, а в самих формах производимых знаний — сдвиг по оси абстракции от эмпиризма, или метода проб и ошибок, к теории и кодификации теоретического знания ради управления потоком нововведений и формулирования политики» [Там же, 661].

Однако постиндустриальное общество неизбежно наталкивается на ряд проблем: наука, становясь инстанцией, формулирующей политические перспективы, неизбежно бюрократизируется, и возникает опасность потери субъекта политических решений; сдвиги в социальной структуре и новая стратификация общества требуют пересмотра теорий меритократии и равенства; рост объема информации, который необходимо перерабатывать, и количества доступных благ, чье функциональное состояние необходимо поддерживать, порождает дефицит времени у людей, а ускоряющиеся темпы жизни обесценивают контакты и отношения, которые становятся все более обезличенными.

Но самой главной проблемой, согласно Беллу, становится следующее: в западном обществе на протяжении последних ста лет нарастает разделенность социальной структуры (экономики, технологии и системы занятости) и культуры (символического выражения смыслов), каждая из которых определяется своим осевым принципом. Социальная структура уходит корнями в функциональную рациональность и эффективность, а культура — в антиномичное оправдание развития личности. «В постиндустриальном обществе разделенность культуры и социальной структуры способна углубиться... Политическая сущность возникающего постиндустриального общества носит коммунальный

характер в той мере, в какой его социальные цели и приоритеты, а также национальная политика направлены на реализацию определенных целей... Важнейшей проблемой коммунального общества является вопрос о том, существует ли единая система ценностей, которая может управлять выработкой политических решений» [1, 651–655]. Проблема обнаружения «преддоговорных начал», трансцендентальной этики, позволяющей преодолеть как крайний индивидуализм общества потребления, так и легитимировать правила дискуссий в публичной сфере без отката в «традиционность», является отдельной и важной темой исследований, особенно для нашей страны [8, 39–52]. В рамках нашей статьи ряд характеристик типологии Белла являются принципиально важными по нескольким соображениям.

Во-первых, в типологии Д. Белла используется многомерный, «троякий» критерий: общества отличаются друг от друга культурой, экономикой и социально-политической структурой. При этом предполагается, что сферы «поддерживают» друг друга, и ни одна не является ведущей «по умолчанию». В этой связи в типологии Белла вряд ли можно найти место для оправдания модернизации только в форме технического «прорыва» отсталой страны к лучшему состоянию². Во-вторых, в отличие от редуccionистских стратегий в социологии (в которых либо культура первична и выражается в структурных (институциональных) социальных образованиях, либо социальная система использует культуру для самолегитимации), в типологии Белла возможно *расхождение* структуры и культуры. Это напряжение между структурой (опора на функциональную рациональность) и культурой (оправдание автономии, свободы человека), на наш взгляд, выводимо из самой специфики модерности. В этом смысле теория Белла не только не является закрытой, «выключенной» из истории (западных обществ) — решения базовой проблемы постиндустриализма еще нет, но и в значительной степени коррелирует с основными теориями модерности.

К настоящему времени сложилось два научных дискурса, которые по-разному описывают процессы становления современных обществ и сложившуюся конфигурацию найденных ответов: институциональный и интерпретативный подходы. По аналогии с отношением социоцентристской социологии Т. Парсонса и культурцентристской социологии П. Сорокина к понятию «цивилизация» [2] можно говорить о монолитной и плюральной теориях модерности. И если сторонники первой вполне четко представляют себе, на каких основаниях возможны новые классификации [17], то в рамках интерпретативного подхода вопрос остается открытым.

Действительно, если мы полагаем, что принадлежность общества к модерности определяется наличием в нем определенных институализированных форм, выразивших «правильный ответ» на вызовы детрадиционализации (свободный рынок, демократия, органы гражданского самоуправления, другие институты, защищающие свободу слова, вероисповедания и прав человека), между кото-

² Подробнее о технократическом видении модернизации см. [10].

рыми мы не ищем противоречий, то ранжирование обществ по степени современности определяется развитостью этих институтов. Например, в классификации Д. Ролза можно встретить хорошо организованные либеральные общества; общества вполне сносные, или даже пристойные, у которых, правда, еще есть атавизмы в виде авторитарных политических режимов; наконец, «внизу» располагаются терпящие бедствие страны периферии и общества вне закона [17, 55–74]. В случае интерпретативного подхода исследователи предлагают учитывать обусловленное культурой и историей своеобразие *ответов* разных обществ на сквозные для ситуации модерности вопросы. И поскольку отношение между конститутивными элементами модерности видится здесь изначально противоречивым, то сами эти ответы, будучи констелляцией опыта данного общества в конкретный исторический период, открыты для критики и реинтерпретации в дальнейшем: каждое общество конструирует и реконструирует свою комбинацию элементов, определяет и переписывает отношения между ними. Теория плюральных модерностей, разрабатываемая современными исследователями, как кажется, лучше подходит в качестве онтологической модели для описания нашего непростого динамичного мира и определенно лучше подходит для самоидентификации новым крупным игрокам на международном арене.

Тем не менее в рамках интерпретативного подхода сложно представить стабильные основания для решения проблемы социальной типизации и артикуляции внятных долгосрочных ориентиров для внешней политики. Идея в следующем: сам вызов современности, специфицированный К. Касториadisом и П. Вагнером, на наш взгляд, логически не исключает «обратной» традиционализации обществ в качестве возможного «ответа». Другими словами, общество (люди или группы) может автономно выбрать отказ от всяческой автономии и перспектив рационального овладения миром и оценить (интерпретировать) опыт выбора (саму возможность выбора) негативно. Поэтому, мы полагаем, *для сохранения масштабных типологий должно быть что-то общее не только в вопросах модерности (вызовы), но и в самих ответах на эти вызовы (интерпретации)*; должны быть некие «тонкие» критерии, которые позволяли бы, во-первых, в принципе отличать традиционные общества (первая ступень типологии) от современных (вторая ступень), фиксировать различия между «модификациями» ответов на второй ступени и, возможно, как-то оценивать и сами интерпретации.

В первом приближении таковыми критериями *должны* были быть сохранение и, возможно, увеличение автономии и приемов рационального овладения миром. И здесь, как нам кажется, социология модерности заканчивается, уступая место философии и социальной антропологии. Слишком многое будет зависеть (даже если у нас и есть возможность для реинтерпретации и дискуссии) от того, что мы понимаем под автономией и ее сохранением, свободой и рациональностью. Можно провести аналогию с принципами, ограничивающими свободу индивида в теории Д. С. Милля. Таких ограничений два — известный принцип вреда и принцип зрелости индивида.

Согласно первому принципу (если оставить за скобками моральный вред и его «физические» последствия) граница твоей свободы будет более-менее ясна,

это область, где ты причиняешь ущерб имуществу и телесному здоровью другого человека, ограничиваешь его свободу передвижения и т. п. Согласно второму принципу человек будет признан «зрелым», если он при достаточном количестве информации о последствиях тех или иных действий выбирает такие действия, которые как минимум не уменьшают, но даже увеличивают свободу выбора (т. е. возможность пересмотреть и изменить свой стиль жизни в дальнейшем). Впрочем, ради сохранения индивидуальности в противовес давлению общественного мнения Милль допускает терпимое отношение и к такому выбору человека, который очевидным образом (с точки зрения другого, вполне «зрелого» индивида) минимизирует его свободу в дальнейшем, но зато вполне соответствует данному от природы «характеру» [9].

Таким образом, теория Милля базируется на вполне отчетливых допущениях из области философской антропологии, предполагает определенную политическую философию и использует одну из возможных интерпретаций самой свободы (свобода как возможность перевыбора стиля жизни). Используя эту аналогию в рассуждениях о возможности социальной типологии в мире плюральных модерностей, мы должны будем каждый раз спрашивать: с чьей точки зрения, в рамках какой нормативной теории та или иная констелляция ответов, данная обществом (людьми), сохраняет признаки модерности (т. е. как минимум не уменьшает *определенное*, а значит заданное самой теорией, видение автономии и рациональности)? И если эти постоянное уточнение и реинтерпретация ответов кажутся вполне совместимыми с жизнью, скажем, небольших групп людей, находящихся в относительно комфортных условиях, то насколько продуктивен такой режим в международных отношениях, требующих подчас быстрых и жестких решений?

Итак, в меру возможностей мы рассмотрели проблему построения социальных типологий в контексте теорий модерности. Считая типизацию значимым инструментом научного анализа, позволяющим упорядочивать предметную область исследования, мы попытались показать, в какой степени сами социальные науки «рождены» из потребности людей в регуляции социального воспроизводства после детрадиционализации обществ. Далее, с опорой на современные работы по теории модерности мы попытались выделить ее (модерности) специфические черты и обосновать возможность историзации и локализации классических для обществознания типологий. Для иллюстрации такой возможности мы подробно рассмотрели типологию Д. Белла и предположили, что ее третья ступень наиболее удачным образом выражает базовое противоречие модерности — противоречие между автономией (индивида) и рационально сконструированным социальным порядком. Это противоречие, на наш взгляд, подкрепляет и расстановку сил внутри социальных теорий (типы редукций) и подтверждает более широкий тезис о социальной природе познания. Мы также пришли к выводу, что осмысление модерности как опыта решения и интерпретации определенных «задач» в противовес пониманию модерности как эры и набора институтов в качестве правильных «ответов» позволяет избежать упрощенных схем модернизации и делает социальное прогнозирование открытым. Тем не менее мы подчеркнули, что плюрализация моделей модер-

ности не только позволяет рассматривать опыт «переживания» современности как самостоятельные попытки различных стран в соответствии со своей историей оформить свою констелляцию модерности, но и в значительной степени релятивизирует все предприятие по построению масштабных социальных типологий и классификаций.

Сейчас, в рамках заключительной части нашей статьи, мы предлагаем вернуться к спецификации обществ модерна посредством учета их пространственно-временных характеристик. Идея, которую мы разделяем, заключается в том, что в детрадиционализированных обществах должны измениться и меняются как способ переживания и концептуализации времени, так и способ организации и объективации публичного социального пространства [7, 8, 16]. Эти изменения, на наш взгляд, лучше выражаются в институциональных формах и могут быть «схвачены» социологическим исследованием (в отличие от интерпретаций автономии и рациональности). Во-первых, модерность как состояние является принципиально открытым (незавершенным — Ю. Хабермас) проектом и потому формирует у людей такое «видение» социального времени, которое способно фиксировать качественное отличие настоящего от прошлого, неповторимость временных «отрезков» и открытость будущего. Во-вторых, открытость и незавершенность модерна в целом, а также спор о контурах будущего в частности подразумевают возможность реальной социальной критики сложившейся «констелляции модерности» и дискуссий о лучших путях развития общества. Социальная критика, в свою очередь, требует для себя публичного пространства, особой сферы для политической по своей сути коммуникации, преодолевшей границы «кухонных» разговоров «за жизнь». Наконец, поскольку дискуссия имеет общезначимый смысл только тогда, когда между ее участниками есть *существенное* различие в интерпретации базовых элементов модерности и, следовательно, в оценке текущего положения дел, мы предлагаем добавить к указанным выше маркерам модерности (концептуализация времени, организация публичного пространства) еще один: наличие в обществе конкурирующих идеологических систем. Фактически мы выдвигаем тезис о принципиально идеологическом характере социального воспроизводства обществ, «проживающих» модерность.

1. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. М., 1999.
2. Браславский Р. Г. Цивилизационная перспектива в социологическом анализе культуры // Диагноз культуры российского общества : историко-социологические очерки / под ред. В. В. Козловского. СПб., 2011.
3. Гидденс Э. Девять тезисов о будущем социологии // Thesis. 1993. Т. 1. Вып. 1. С. 57–82.
4. Капустин Б. Г. Современность как предмет политической теории. М., 2001.
5. Логинов А. В. Ресурсы «научности» и проблема легитимации наук об обществе // Социемы. 2009. № 17 [Электронный ресурс]. URL: <http://csp.philos.usu.ru/usu/opencms/ru/publications/sociemi/17/loginov.html>
6. Меньшиков А. С. Современная социология и/или социология Современности? // Логос. 2008. № 6.

7. *Меньшиков А. С.* Теория модерности: очерк проблемного поля // Изв. Урал. гос. ун-та. Сер. 3. Обществ. науки. 2010. № 4 (83). С. 165–177.
8. *Меньшиков А. С.* Теория модерности и социальная интеграция // Там же. 2011. № 3 (94). С. 39–52.
9. *Милль Д. С.* О свободе // Социальные и гуманитарные науки: РЖ. М., 1996. Сер. 11. № 3.
10. Модернизация России : докл. для 10-й конф. : в 2 кн. М., 2009.
11. Социальное знание и социальные изменения. М., 2001.
12. *Федотова В. Г.* Модернизация «другой» Европы. М., 1997.
13. *Хабермас Ю.* Философский дискурс о модерне. М., 2008.
14. *Хомяков М. Б.* Модерность: путь к открытости будущего // Журн. социологии и социал. антропологии. 2009. Т. 12, № 2. С. 58–85.
15. *Eisenstadt Sh. N.* The Civilizational Dimension of Modernity. Modernity as a Distinct Civilization // Intern. Sociology. 2001. 16 (3). P. 320–340.
16. *Koselleck R.* The Eighteenth century and the Beginning of Modernity // The Practice of Conceptual History. Timing History, Spacing Concepts / tr. by T. S. Presner. Stanford, 2002. P. 154–169.
17. *Rawls J.* The Law of Peoples. Harvard University Press, 1999.
18. *Therborn G.* Entangled Modernities // European J. of Social Theory. 2003. 6 (3). P. 293–305.
19. *Wagner P.* Modernity as Experience and Interpretation. A New Sociology of Modernity. Cambridge, 2008.

Рукопись поступила в редакцию 24 октября 2011 г.